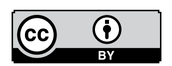
Научная статья /
Research Article

https://elibrary.ru/IUXXXO
УДК 821.161.1.0
ББК 83.3(2Рос=Рус)6

«ТОТ, КТО УШЕЛ, НАЗАД НЕ ПРИХОДИТ»: КОНТЕКСТ ПУБЛИКАЦИИ РАССКАЗА «ТАКЫР» В АЛЬМАНАХЕ «АЙДИНГ-ГЮНЛЕР»

Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия
Дата поступления статьи: 05 ноября 2024 г.
Дата одобрения рецензентами: 02 декабря 2024 г.
Дата публикации: 25 марта 2025 г.
https://doi.org/10.22455/2500-4247-2025-10-1-134-153

Аннотация: Статья представляет собой попытку контекстуализации рассказа Андрея Платонова «Такыр» (1934). Детали истории публикации рассказа позволяют выявить связи и контакты, которые помещают его в контекст литературной ситуации, в которой находилась туркменская бригада писателей. Положение рассказа рассматривается по трем направлениям: его место в самом альманахе, его отражение в местной периодике, критическая рецепция. Последнее говорит о том, что в некоторых случаях «Такыр» вызывал схожую с туркменским текстом из следующего альманаха («Туркмения», 1936) реакцию. В рассказе установлена неизвестная ранее фольклорная цитата. Привлечение архивных источников, в частности фонда Г.А. Санникова в РГАЛИ (Ф. 3256), позволяет достроить связи, необходимые для комментария рассказа. Общая контекстуализация позволяет прийти к выводу, что рассказ Платонова «Такыр», хотя и отличается принципиально от общего характера альманаха «Айдинг-Гюнлер», может быть помещен в более объемную перспективу. В статье корректируется гипотеза К. Холт относительно влияния «коллективного авторства» на прозу Платонова.
Ключевые слова: Андрей Платонов, Туркменистан, альманах «Айдинг-Гюнлер», Григорий Санников, рассказ «Такыр», записные книжки, издательские практики.
Информация об авторе: Алла Олеговна Бурцева — кандидат филологических наук, преподаватель, кафедра истории русской литературы новейшего времени, институт филологии и истории, Российский государственный гуманитарный университет, Миусская пл., д. 6, 125047 г. Москва, Россия.
https://orcid.org/0000-0002-9168-6743
E-mail: alla.burtseva@gmail.com
Для цитирования: *Бурцева А.О.* «Тот, кто ушел, назад не приходит»: контекст публикации рассказа «Такыр» в альманахе «Айдинг-Гюнлер» // Studia Litterarum. 2025. Т. 10, № 1. С. 134–153.
https://doi.org/10.22455/2500-4247-2025-10-1-134-153

Studia Litterarum,
vol. 10, no. 1, 2024

"THE ONE WHO LEFT DOES NOT COME BACK": THE CONTEXT OF THE PUBLICATION OF THE SHORT STORY "TAKYR" IN THE ALMANAC *AIDING-GIUNLER*

© 2025. Alla O. Burtseva
Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia
Received: November 05, 2024
Approved after reviewing: December 02, 2024
Date of publication: March 25, 2025

Abstract: The article attempts to contextualize the short story "Takyr" by Andrei Platonov. The details of its publication history allow us to evaluate links and contacts that place the story into the literary situation of Turkmen writers' brigade. The story is put into three perspectives: its place in the almanac, its reflection in the local press, and critical reception. The latter tells that at some point "Takyr" provoked a reaction similar to one provoked by Turkmen text from the next almanac (*Turkmenia*, 1936). The article also presents a newly found folklore citation. The usage of archival sources, such as Grigory Sannikov's collection in the Russian State Archive of Literature and Art (F. 3256), allows us to establish connections necessary to further annotation. The summarized contextualization leads to a conclusion that "Takyr," being significantly different from the other texts in the almanac, can still be put in a larger perspective of complex links. The article mildly corrects Katharine Holt's hypothesis of "collective authorship" on Platonov's prose.
Keywords: Andrei Platonov, Turkmenistan, Almanac *Aiding-Giunler*, Grigory Sannikov, story "Takyr," notebooks, publication practices.
Information about the author: Alla O. Burtseva, PhD in Philology, Lecturer, the Department of History of Modern Russian Literature, Institute of Philology and History, Russian State University for the Humanities, Miusskaya Sq., 6, 125047 Moscow, Russia.
https://orcid.org/0000-0002-9168-6743
E-mail: alla.burtseva@gmail.com
For citation: Burtseva, A.O. "'The One Who Left Does Not Come Back': The Context of the Publication of the Short Story 'Takyr' in Almanac *Aiding-Giunler*." *Studia Litterarum*, vol. 10, no. 1, 2025, pp. 134–153. https://doi.org/10.22455/2500-4247-2025-10-1-134-153 (In Russ.)

Рассказ Андрея Платонова «Такыр» едва ли можно назвать обделенным вниманием исследователей. История его публикации затрагивалась в статьях Е.А. Роженцевой [4]. Рассказ выделяется среди остальных прозаических текстов в альманахе «Айдинг-Гюнлер», в частности, потому, что речь в нем идет преимущественно о страшном прошлом. Изначальный замысел Платонова известен из его заявки, которая хранилась в семейном архиве Г.А. Санникова, руководителя писательской бригады в Туркменистане:

> Я хочу написать повесть о лучших людях Туркмении, расходующих свою жизнь на превращение пустынной родины, где некогда лишь убогие босые ноги ходили по нищему праху отцов, — в коммунистическое общество, снаряженное мировой техникой (цит. по: [1, с. 579]).

Как представляется, в рассказе «Такыр» речь о коммунистическом обществе или, тем более, мировой технике, а также освоении пустыни, почти не заходит. О будущем говорится лишь в последней, девятой, части: Джумаль, спустя десять лет после событий на такыре, становится специалистом в области сельского хозяйства и едет осматривать заповедник. Однако нельзя не отметить, что даже здесь изначальная ее мотивация — найти Катигроба:

> Джумаль Таджиева (она носила фамилию по имени матери) справлялась везде про австрийского военнопленного Катигроба, но о нем не было никаких сведений. Джумаль знала, что где-то есть близ Заунгусской впадины небольшой заповедник древних растений и там живет всего лишь один чело-

век с винтовкой и двумя собаками. Там же, вероятно, находилась глиняная башня и большой такыр [10, с. 308].

Сама постановка вопроса, какое место рассказ занимает в альманахе, проблематична. Достаточно мало известно о том, как могли складываться текстуальные связи между произведениями. В этом отношении показательна статья американской исследовательницы К. Холт "Collective Authorship and Platonov's Socialists Realism", в которой предпринята попытка структурировать эпизоды издательской истории текстов и их связь с представлением о «коллективном творчестве».

Холт обозначает коллективное авторство как «сотрудничество группы авторов в создании одного произведения или их серии» и подразделяет типы такого авторства на «сильное» (strong), «слабое» (weak) и «невыявляемое» (unacknowledged) [5, p. 58], подразумевая, по-видимому, что альманах «Айдинг-Гюнлер» относится к сильному типу (в качестве примера другой такой книги упоминается коллективный писательский труд «Беломорско-Балтийский канал имени Сталина», 1934). По мнению Холт, рассказ Платонова должен рассматриваться не изолированно, а на фоне содержания всей книги. Исследовательница бегло сравнивает «Такыр» с повестью П.Г. Скосырева «Оазис», которой открывается альманах. Тем не менее рассказ приходится рассматривать отдельно просто в силу того, что сюжетные модели, которыми пользуется Платонов, отличаются от того, что можно обнаружить в остальных текстах.

Содержание альманаха «Айдинг-Гюнлер» было следующим (приводится по книге):

Всеволод Иванов и Лахути. — Предисловие
К. Атабаев. — Десять лет, статья
Петр Скосырев. — Оазис, повесть
О. Таш-Назаров. — Байрам-Али, отрывок из поэмы
Андрей Платонов. — Такыр, рассказ
Г. Санников. — Пески и розы, цикл стихотворений
Георгий Максимов. — Песнь Амана, повесть
В. Луговской. — Два стихотворения
Х. Н. Чарыев. — В мечети, отрывок из поэмы

Владимир Козин. — Конская кровь, пьеса для чтения
Аман Кекилов. — Отец и дочь, стихотворение
Георгий Шенгели. — Туркмения, два стихотворения
Берды Султан Ниязов. — Два стихотворения
Конст. Большаков. — Керки, материалы к рассказу
Азат Вштуни. — Ковровщица Ай-Султан, стихотворения
Михаил Лоскутов. — Предшественники, рассказы
Ата-Ниязов. — На колхозном поле, стихотворение
Шали Кекилов. — Твоя цель, стихотворение
Дурды Клычев. — Пережитое, стихотворение
Викторин Попов. — Субтропики на Атреке, очерк
Георгий Шенгели. — Преодоление пустыни, очерк
М. Немченко. — Центральные Кара-Кумы
В. Беляев. — Национальная туркменская музыка
Акад. И.М. Губкин. — Ископаемые ресурсы Туркменистана [7, с. 222]

Как видно из приведенного содержания, структура альманаха получилась неоднородной. Видна установка на то, чтобы чередовать стих и прозу, равно как и тексты, написанные авторами из центра, и туркменские в переводе. Две последние статьи — научно-популярные, они, видимо, закрывают темы, которые в альманахе фикциональными текстами охватить не удалось. Это подтверждают сами составители: «В связи с этим [т. е. тем, что не все успели подготовить материал. — *А.Б.*] одна из важнейших сторон красочной действительности советской Туркмении — индустриализация — не получила в альманахе полноценного художественного отражения. Но этот пробел тематически восполняется прекрасной статьей академика Губкина» [7, с. 3].

Если попытаться определить место рассказа в альманахе с сугубо композиционной точки зрения, то он действительно помещен недалеко от повести Скосырева, и К. Холт права в том, что для обоих авторов важны схожие модели, в частности введения героя или героини — подростка, чувствующего себя в Туркменистане не до конца своим, так как родом этот персонаж из Персии, становление героя и т. д. и т. п. Однако кажется неверным игнорировать принципиальные отличия рассказа Платонова, на что указывали еще критики-современники (см. далее в этой статье). Кроме того, сама

Холт совершенно справедливо пытается рассмотреть возможное сходство как универсальные сюжетные схемы. Кажется, что эти повторяющиеся модели в сочетании с отдельными деталями позволяют сближение как-то мотивировать. Впрочем, не вполне ясно, могло ли оно быть сколько-нибудь очевидно обычному читателю. Явная мрачность рассказа Платонова, его погружение в «ужасное прошлое» (у Скосырева оно вовсе не так натуралистично описано) все же очевидным образом выделяется.

Стоит обратить внимание на то, что рассказ Платонова помещен практически в начале книги, пока внимание читателя еще заострено: следует за отрывком из поэмы Ораза Тачназарова[1] «Байрам-Али» и тематически примыкает к повести Скосырева (это история о «воспитании» мальчика-сироты). Таким образом, если вычленить три первых текста в отдельную группу, можно предположить, что рассказ «Такыр» и сами составители могли воспринимать как тематически и сюжетно близкий.

Приведем высказывание Г.А. Санникова, ответственного редактора альманаха:

> Андрей Платонов в рассказе «Такыр» с необычайной красочностью и проникновенностью рисует недалекое прошлое Туркмении. Он описывает возвращение туркмен с аламана с персидскими пленниками. <…> В образе пленницы Заррин-Тадж он показывает тяжелую картину жизни рабыни в безотрадных условиях кочевого туркменского хозяйства[2].

Платонов показывает тяжелую картину жизни рабыни, однако Заррин-Тадж вовсе не главная героиня основной части текста. В этом ракурсе можно предположить, что подробное погружение в содержание рассказа составителей волновало меньше, чем закрытие тематического направления.

В целом, творчество Платонова о Центральной Азии, как «Такыр», так и «Македонский офицер» или «Джан», как кажется, нуждается в контекстуализации относительно местной литературной ситуации, и это было бы гораздо продуктивнее, нежели поиск параллелей с другими текстами

1 В альманахе более ранний вариант кириллического написания — Таш-Назаров. Ораз Тачназаров был одним из идеологов туркменской пролетарской литературы; в 1938 г. репрессирован (см.: [3]).

2 РГАЛИ. Ф. 3256. Оп. 1. Ед. хр. 90. Л. 5 об., 12 об.

русских авторов, с которыми Платонов и так мог быть знаком, никуда не выезжая. Однако практически никакой информации о том, какова была в реальности коммуникация Платонова с местными литераторами, в источниках пока не выявлена.

В рамках нашей статьи попытаемся актуализировать, какие в принципе тексты туркменских литераторов с рассказом «Такыр» можно соотнести. Говорить здесь, разумеется, нужно о публикации в «Айдинг-Гюнлер», не затрагивая номер «Красной нови» и сборник «Река Потудань». Имеет смысл включить в контекстуализацию то, как рассказ мог проникать в прессу о писательской экспедиции, а также известные отзывы критиков, показательные как в плане уточнения соотнесенности рассказа с туркменской литературой, так и в плане корректировки гипотезы К. Холт. Отдельно следует остановиться на еще не установленных элементах туркменского фольклора и культуры, которые в рассказе могли отразиться.

Если смоделировать, как модифицировался замысел рассказа (от заявки — к тексту), то в первую очередь заметно, что в итоге его содержание соответствовало теме номер 9 из тематического плана Туркменской комиссии: «9. Культурное строительство. Туркменская школа. Новый алфавит. Женщина в новой Туркмении. Борьба с пережитками родового строя и с религиозными предрассудками»[3]. Помимо этого плана существует интересная запись Санникова, в которой приведены главные темы туркменской экспедиции и авторы, отвечающие за их исполнение:

> 1) Туркменский пролетариат, культурный рост турк<менского> пролетария и его борьба за овладение техникой (Максимов)
>
> 2) Нефтедаг. Борьба за индустриализацию. Лучшие люди Туркмении (Платонов)
>
> 3) Политотделы, хлопок, посевная (Скосырев, Одоев)
>
> 4) Колхозное строительство, переделка человека в трудовом коллективе, новые формы труда (Санников) и отношения к труду (Большаков)
>
> 5) Карабугаз. Уголь, нефть, сера — хим. комбинат (А. Смирнов)
>
> 7) Вопросы овцеводства и коневодства (Козин)

3 РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 17. Ед. хр. 9. Л. 2. См. также: [6, p. 187].

8) Каракумы. Освоение. Обводнение. Переход кочевника на оседлость, борьба за воду (Немченко, Лоскутов, Санников)

9) Рыболовство. Атрек и Гасан-кули (Попов)

10) Сухие субтропики (Попов)

11) Культурное строительство. Театр. Туркм<енская> литература. Туркмены в науке, вузовцы и т. п. Шенгели (Шестаков, Бороздин)

12) Гражд<анская> война и басмачество. Рост национ<альных> частей Кр<асной> армии (Х.М. Мугуев)

13) Охр<ана> границ, боевые, труд<овые> дни пограничников (К. Большаков) <...>

14. Изменения в быту, одежде, жилище (Шенгели) и т. п.

15. Борьба за раскрепощ<ение> и равн<оправие> туркм<енской> женщины (Немченко, Санников)[4].

Записная книжка Санникова, где помещен этот список, заполнялась уже во время поездки, но даже тогда ответственный редактор еще не знал, о чем на самом деле будет рассказ «Такыр» (в пункте воспроизводится начало заявки Платонова; о Нефтедаге и индустриализации в альманахе он ничего не опубликовал[5]). Рассказ в итоге более-менее соответствовал только подпункту темы 9 «Раскрепощение женщины», причем, в отличие от остальной прозы, женщина стал главной героиней, именно вокруг нее строится повествование.

Судьба женщины затрагивается немного и в повести «Оазис» (глава 6), но там речь идет о соревновании между мужчиной и женщиной на хлопковом поле; в повести Г. Максимова «Песнь Амана» девушка Ай-Султан скорее выступает просто как любовный интерес героя и т. д. Контраст же прошлого и будущего для женщины актуализирован в альманахе преимущественно в стихотворениях туркменских авторов, в частности у Амана Кекилова («Отец и дочь») и Дурды Клыча («Пережитое»), причем в случае последнего можно предполагать, что в действительности это обработанное женское свадебное причитание (см. приведенный ниже текст). На этом эта-

4 РГАЛИ. Ф. 3256. Оп. 1. Ед. хр. 118. Л. 42 об.

5 Нефтедаг и добыча нефти упоминаются в очерке «Горячая Арктика» об индустриализации в пустыне. Платонов собирал эти материалы в той же поездке, по-видимому, не для альманаха, а для отчета комиссии по изучению производительных сил. Возможно, именно по этой причине Нефтедаг появился в записи Санникова.

пе, к сожалению, не приходится говорить о тех или иных подтвержденных контактах, а в структуре альманаха рассказ «Такыр» находится далеко от этих двух стихотворений. Однако если в общем рассмотреть содержание, то, помимо указанных выше чередования прозаических и стихотворных текстов и выделения оформленного публицистического блока, в первой части сгруппированы более крупные формы: повесть — отрывок из поэмы — рассказ — цикл стихотворения (на самом деле это отрывок из поэмы Санникова, выходившей ранее в альманахе «Туркменистан весной», 1932) — отрывок из поэмы — пьеса для чтения. Такой первый кластер, где и находится рассказ «Такыр», также позволяет предположить, по каким принципам происходила группировка текстов (см. выше о тематической близости первых трех). Надо сказать, что тогда во втором кластере оказываются рассказы М. Лоскутова («Предшественники»); таким образом, очевидно, составители хотели уравновесить чередование поэзии и прозы, туркменских и русскоязычных авторов. Кроме того, в самом представлении рассказов Лоскутова (в отличие от «Содержания») «Предшественники» названы очерками и написаны, оказывается, не по материалам поездки бригады 1934 г., а по следам автопробега по пустыне Каракум в 1933 г. (см., например, книгу М. Лоскутова «Рассказы о дорогах». М.: Детгиз, 1935).

Попытку усмотреть именно в этом случае сознательное композиционное решение можно посчитать умозрительной, однако традиция советского книгоиздания, да и записи Санникова, где он набрасывает план содержания, что-то вставляя и перемещая, указывают скорее, что стратегию, о которой говорилось ранее, здесь можно предполагать; в частности, важна именно та балансировка, о которой шла речь выше. Напомним, что открывается альманах повестью Петра Скосырева, который уже заработал некоторый авторитет в советской литературной иерархии как автор произведений о Востоке.

Эта иерархия вновь может подтолкнуть к поиску параллелей между повестью Скосырева и рассказом Платонова. Единственным текстом из числа произведений о женщине, близким содержанию рассказа «Такыр», оказывается как раз не «Оазис» Скосырева, а «Пережитое» (Gɵrenim meniŋ) Дурды Клыча[6]:

6 Его имя в разных источниках может писаться как «Дурды Клыч», «Дурды Клычев» или «Дурды-Клыч-Оглы». В антологии туркменской поэзии 1949 г. он уже фигурирует не как

На сватовство явился аксакал, —
Вот что тогда увидела я, братья!
Молчала я, отец согласье дал, —
Вот что тогда увидела я, братья!

Котел на очаге стоял. И дым
Мне ум застлал и роком стал моим.
Высчитывали старику калым, —
Вот что тогда увидела я, братья!

За гурт овец и дряхлого коня
Отец отдал чужой семье меня.
Лепешки ели гости у огня, —
Вот что тогда увидела я, братья!

Наехали советчики... Кричат!..
Родители (будь прокляты!) молчат,
Благословляют брачный стол — сачаг...
Вот что тогда увидела я, братья!

Назначен срок для свадьбы. В ту же ночь
Разъехались непрошеные прочь...
Не слышит мать, как плачет горько дочь, —
Вот что тогда увидела я, братья!

Приехали. Свели с седла. Вокруг
Собрали незнакомых мне подруг...
Рассудок мой весь помутился вдруг!..
Вот что тогда увидела я, братья!

Веселый хор пел о моей судьбе,
Соревновались в скачке и борьбе,

«советский поэт», а как «народный шахыр». Туркменские названия текстов воспроизводятся по машинописи с оригиналами стихотворений (см. о ней далее), название журнала «Советская литература» — в современной туркменской орфографии.

Стреляли в цель, ища наград себе, —
Вот что тогда увидела я, братья!

Потом начался пир под струнный звон,
Стол яствами был тяжко нагружен,
Был байский сын особенно почтен, —
Вот что тогда увидела я, братья!

Все на меня глядели… То не сон!
От жениха мне принесли поклон:
Согласья — видите ль! — желает он, —
Вот что тогда увидела я, братья!

В тот миг постигла я свой скорбный путь,
Я вся поблекла, мне стеснило грудь,
Ни «нет» сказать не смела, ни вздохнуть, —
Вот что тогда увидела я, братья!

Когда же солнечный настал закат,
Свершили по обычаю обряд, —
Над сладкою водой простерли плат, —
Вот что тогда увидела я, братья!

И гости сытые ушли в аул.
Один — остался… На меня взглянул…
И скинул шапку… и ко мне шагнул…
Вот что тогда увидела я, братья!

Три женщины шептались меж собой…
Мальчишки к щелям кинулись гурьбой…
Мне руку подал человек чужой, —
Вот что тогда увидела я, братья…

[7, с. 165–166]

«Пережитое» написано раньше, чем было принято решение о создании альманаха, и предназначалось для сборника туркменской литературы под редакцией Г.А. Шенгели. В Российском государственном архиве литературы и искусства сохранилась машинопись этого сборника[7]. В машинописи стихотворение не датировано, в отличие от других, например: «На колхозном поле» (Kolxoz mejdanьnda, 1932) или «Двоих сирот» (Iki jetim, 1929) Ата Ниязова. О ранней датировке приведенного стихотворения свидетельствует отзыв Шенгели на сборник, а также выписка из протокола совещания Оргбюро Туркменской ассоциации пролетарских писателей от 1932 г.[8] Было бы опрометчиво делать какие-то выводы о непосредственном увлечении Платонова именно этими текстами. Однако в этом тематическом сближении (в обоих случаях речь идет, по сути, о насилии над женщиной и о «страшном прошлом») актуализируется в том числе фольклорный фокус рассказа «Такыр», как и интерес Платонова к туркменскому прошлому, отраженный в его записных книжках. «Такыр» можно было бы осторожно обозначить как второй по фольклорной нагруженности текст после «Оазиса» Скосырева, где туркменские поговорки используются в большей степени как этнографический фон.

Оригинальным образом рассказ нашел отражение в туркменской прессе. В публикации «Вторая бригада писателей в Туркмении. Беседа с руководителем бригады писателей Всесоюзного Оргкомитета поэтом Г. Санниковым» [8] упоминаются планы членов бригады, представленные довольно нейтрально, за исключением Платонова: «...повесть “О лучших людях Туркмении”, расходующих свою жизнь на превращение пустынной родины, где некогда лишь убогие босые ноги ходили по нищему праху отцов, — в коммунистическое общество, снаряженное мировой техникой». Здесь, как мы видим, скопирован имеющийся у Санникова текст заявки самого Платонова. Вполне вероятно, что так же обстояло дело с представлением своей темы другими участниками бригады. Билль-Белоцерковский заявляет тему «социальный анализ Туркмении в прошлом и настоящем, на основе развития форм землепользования». Большаков «берется за темы: перевод кочевников на оседлость, переделка человека в трудовом коллективе, новые формы труда и отношения к труду. Кроме того, Большакова интересует

7 РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 1. Ед. хр. 5088.
8 РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 1. Ед. хр. 4723.

тема — охрана границ ТССР, боевые и трудовые дни пограничников». Мугуев «берется за тематику гражданской войны и басмачества в Туркмении и формирования и роста национальных частей Красной армии». Козин «темой новых своих рассказов и повестей избирает животноводство Туркмении». Скосырев «содержанием своих работ в Туркмении избирает практику политотделов МТС и предполагает на основе этого материала написать ряд новелл». Максимов «ставит себе задачу показать культурный рост туркменского пролетария и его борьбу за овладение техникой». Шестаков «темой своих работ избирает два похода: Геок-тепинский поход и колониальное завоевание Туркмении царской Россией и поход второй пятилетки и освоение недр Туркмении силами туркменского народа с помощью народов СССР. Во втором разделе темы он предполагает осветить в своем художественном произведении туркменов в науке (туркмены-аспиранты, туркмены-вузовцы и т. п.)». Попов «предполагает написать книгу о сухих субтропиках и рыболовстве». Бороздин «имеет в виду дать ряд статей по вопросам культурного строительства Туркмении и провести литературоведческую работу с туркменскими писателями». Шенгели «программой своих работ определяет: новые переводы туркменских писателей, очерки о борьбе с пустыней и об изменениях жизни туркмена — быт, жилище, одежда и т. п. и стихи о Туркмении. Кроме того, Шенгели предполагает провести ряд бесед с туркменскими писателями по вопросам борьбы за качество в художественной литературе». Санников утверждает, что думает «заняться пьесой в стихах о борьбе за раскрепощение и равноправие туркменской женщины» [8].

Как уже было отмечено, все эти материалы могли быть скопированы из представленных заявок. Однако о том, что именно писали в заявках остальные члены бригады и писали ли все они заявки вообще, нам неизвестно (заметка, как следует из заглавия публикации, составлена по интервью с Санниковым, видимо, тематические замыслы обозначил для газеты он сам). К сожалению, непосредственная читательская рецепция материалов из «Туркменской искры» также неизвестна. Если попытаться смоделировать примерную читательскую группу, то это в первую очередь носители русского, проживающие в Туркменистане. Газета была не специфически литературной, а общетематической — официальным изданием ЦК. Корректура в «Туркменской искре», судя по всему, производилась не всегда внимательно. Механическое копирование слов Платонова могло создать

дополнительный эффект в плане читательской интерпретации, создать эффект ожидания от рассказа. Гипотетически «Такыр» уже на этом этапе мог выделиться в глазах читателя. При этом, если бы рассказ до того же читателя дошел, он бы увидел не совсем то, что описано в заявке. В рассказе едва ли заходит речь о превращении «пустынной родины» в коммунистическое общество, зато «праху отцов» уделяется основное внимание.

Относительное несоответствие итога замыслу едва ли могли поставить Платонову (как и остальным участникам поездки) в вину. Альманах готовили к изданию достаточно быстро, заменить материал, скорее всего, было нечем, а некоторые писатели и вовсе ничего не предоставили — ни для «Айдинг-Гюнлер», ни для альманаха «Туркмения» 1936 г. Таков, в частности, постоянно возникающий на страницах «Туркменской искры» В.Н. Билль-Белоцерковский. Кроме того, Санников также остался не вполне доволен книгой: «Ряд материалов не вышло. Богатая красоч<ная> действит<ельность> индустрии, то, что в статье Губкина могло быть раскрыто в худож<ественных> образах, в частности Кара-бугаз»[9]. Рассказ Платонова не был слабым местом книги, и Санников никогда не высказывается о нем отрицательно.

Так или иначе, в 1934 г. альманах издать успели (это было важно просто в силу его юбилейного характера). Читатели, вероятнее всего, знакомились с «Такыром» в первую очередь не по «Айдинг-Гюнлер», а по сентябрьской «Красной нови» (№ 9). Текст там практически не отличается, за исключением курьезной гиперкоррекции: в конце упоминаются «золовые минеральные пески» [11, с. 92]. Имелись в виду, конечно, эоловые пески, т. е. принесенные ветром — характерный вид почвы в Туркменистане. Ср. в записных книжках Платонова: «Прощай, Туркмения! <...> Конец эоловой печали» [9, с. 145]. Во-вторых, тираж альманаха был небольшим (5500), и стоила книга дорого (12 руб., указано в рецензии А. Роскина в бюллетене «Художественная литература», 1935, № 6).

Дальнейшая судьба рассказа «Такыр» хорошо известна. Если попытаться смоделировать последующие варианты взаимодействия с туркменской литературой или хотя бы ситуацию, когда сходство могло привлечь внимание читателя, следует упомянуть еще один случай. В 1936 г. выхо-

9 РГАЛИ. Ф. 3256. Оп. 1. Ед. хр. 122. Л. 7.

дит альманах «Туркмения», который был, по сути, продолжением проекта «Айдинг-Гюнлер». В новом альманахе наконец-то опубликовано столь желанное для идеологов советской туркменской литературы прозаическое произведение — повесть Берды Солтанниязова «Гюзель (Дочь песков)». В 1930-е гг. от литератур советских республик, и в том числе Туркменистана, прямо требовали «перехода на прозу», и наконец она получает репрезентацию в альманахе, изданном в Москве.

Повесть «Гюзель» была напечатана ранее в журнале Şura edebiýaty («Советская литература»), но уже после выхода альманаха «Айдинг-Гюнлер» (номер за март–апрель 1935 г.), в котором Солтанниязов также принимал участие как поэт. Таким образом, рассказ Платонова мог быть автору знаком. «Гюзель» реализует схожую сюжетную модель (мать и дочь рабыни — смерть матери — изнасилование — тяжелая жизнь замужем — освобождение благодаря советской власти). Было бы неправомерным прямо сравнивать повесть и рассказ, так как пока нет достаточных подтверждений, что автор «Гюзели» мог как-либо на «Такыр» ориентироваться. Однако достаточно нетривиальный для альманаха выбор темы позволяет во всяком случае сгруппировать эти тексты. В этом отношении значимо, что реакции критиков на финалы произведений были похожи. В рецензии на альманах «Туркмения» отзыв на «Гюзель» звучит следующим образом:

> История жизни туркменской девушки Гюзель, находящейся во власти баев, наполнена такими ужасами, избиением, мучениями, насилиями и наконец убийством, что кажется неправдоподобной. <...> ...Много нужно заботы, внимания и времени, чтобы превратить Гюзель в счастливую девушку советской страны. Последнее восклицание автора показывает его легкомысленное и поверхностное отношение к своей героине[10].

Критик А. Роскин, в свою очередь, считал неубедительной концовку «Такыра»:

> По общему своему тону рассказ А. Платонова «Такыр» (в альманахе «Айдинг-Гюнлер») стоит несколько особняком. Весь он, окрашенный в пес-

10 РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 6. Ед. хр. 57. Л. 32–33.

симистические тона, обращен к прошлому. Становление героини Джумаль — дочери плененной туркменом персиянки — советским агрономом воспринимается лишь как эпилог, формальная концовка и потому представляется не вполне убедительным [12, с. 4].

Оба критика выделяют пессимизм скорее как недостаток текстов, а концовку считают неудачной и неправдоподобной. Еще одна реакция, несколько неожиданно схожая с высказанной в рецензии на «Гюзель», обнаруживается в «Правде» в заметке Н. Никитина от 18 января 1935 г., где автор иронически пишет:

> ...Уважаемые товарищи! Перед нами вовсе не образцы подстрочного, литературно еще не обработанного перевода с персидского или тюркского. <...> ...Мы привели только часть перлов, позволяющих ознакомиться со стилем автора рассказа. Можно во много раз увеличить число таких цитат (цит. по: [2, с. 732]).

Сравним с отзывом на рассказ «Гюзель»:

> Это обычный грамотный подстрочник, сделанный человеком, плохо знающим русский литературный язык. В повести встречается много туркменских оборотов и выражений, звучащих на русском языке претенциозно и еще более усиливающих впечатление надуманности повести[11].

Неправомерно было бы сравнивать, как написаны «Такыр» и «Гюзель», так как во втором случае текст переводной. Однако само по себе сходство претензий (текст производит впечатление плохого перевода) указывает на сходство механизма рецепции. В этом отношении, возможно, ответ на вопрос могут дать изыскания относительно контактов между Платоновым и автором русскоязычного текста (внизу стоит помета «Перевод с туркменского литературно обработал Ал. Лугин»; автор перевода неизвестен).

Влияние туркменского фольклора на текст «Такыра» — предмет отдельного изучения. Благодаря контекстуализации рассказа Платонова уда-

11 РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 6. Ед. хр. 57.33.

лось установить источник одной записи, которая сначала появляется в записной книжке писателя, а затем — в рассказе. Ср.:

> И что это за [скверное] плохое горе мое: тот, кто ушел, назад не приходит (записные книжки) [9, с. 131].

> И что это за плохо горе мое! Тот, кто ушел, назад никогда не вернется («Такыр») [10, с. 310].

Сходство этих фрагментов давно было отмечено в комментарии к записным книжкам Платонова. В архиве Санникова нами выявлен предположительный источник. Автограф профессора А.П. Поцелуевского с записью туркменской песни, очевидно переданный Санникову, содержит следующую строку:

> И что это за скверные горы, тот, кто ушел, назад не приходит![12]

Эта строка представляет собой рефрен «песни участника добровольческого отряда», которая, судя по помете, записана Поцелуевским в 1932 г. в Байрам-Али. Сходство здесь очевидно. Санников вполне мог Платонову эти листы показывать (они написаны другим почерком и отличаются от всей единицы хранения по фактуре).

Подобные изыскания могут быть продолжены, однако уже на этом, первом, уровне, видно, что место рассказа Платонова в издательском проекте туркменских альманахов можно уточнить, поместив его в локальный контекст. «Такыр» продолжает выбиваться из общего тона альманаха, однако, как демонстрирует и его рецепция, и зафиксированные связи, рассказ в большей степени оказывается соотнесен с локальными моделями.

12 РГАЛИ. Ф. 3256. Оп. 1. Ед. хр. 122. Л. 35.

Список литературы

Исследования

1 *Корниенко Н.* Комментарии // *Платонов А.П.* Счастливая Москва: Романы, повесть, рассказы. М.: Время, 2011. С. 575–622.

2 *Корниенко Н.* «Размышления читателя»: Николай Никитин — рецензент рассказа «Такыр» // "Страна философов" Андрея Платонова: проблемы творчества. М.: ИМЛИ РАН, 2003. Вып. 5. С. 727–740.

3 *Мурадов Р.Г.* Парадигма «Туркменоведения» // Культурные ценности: Международный ежегодник. 2000–2001. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2002. С. 164–178.

4 *Роженцева Е.* Опыт документирования туркменских поездок А.П. Платонова // Архив Андрея Платонова. М.: ИМЛИ РАН, 2009. Кн. 1. С. 396–405.

5 *Holt K.* Collective Authorship and Platonov's Socialists Realism // Russian Literature. 2013. Vol. 73. No. 1/2. P. 57–83. DOI: 10.1016/j.ruslit.2013.01.005

6 *Holt K.* The Rise of Insider Iconography: Visions of Soviet Turkmenia in Russian-Language Film and Literature. 1921–1935: PhD Dissertation. Columbia University, 2013. 323 p.

Источники

7 Айдинг-Гюнлер. Альманах к 10-летию Туркменистана. М.: [ГИХЛ], 1934. 221 с.

8 Вторая бригада писателей в Туркмении. Беседа с руководителем бригады писателей Всесоюзного Оргкомитета поэтом Г. Санниковым // Туркменская искра. 1934. 15 апреля.

9 *Платонов А.* Записные книжки. Материалы к биографии. 2-е изд. М.: ИМЛИ РАН, 2006. 424 с.

10 *Платонов А.П.* Счастливая Москва: Романы, повесть, рассказы. М.: Время, 2011. 624 с.

11 *Платонов А.* Такыр // Красная новь. 1935. № 9. С. 82–93.

12 *Роскин А.* Расцвет республик Советской земли // Художественная литература. 1935. № 6. С. 3–6.

References

1 Kornienko, N. "Kommentarii" ["Commentary"]. Platonov, A.P. *Sobranie sochinenii* [*Collected Works*], vol. 5: Schastlivaia Moskva: Romany, povest', rasskazy [Happy Moscow: Novels, Novellas, Short Stories]. Moscow, Vremia Publ., 2011, pp. 575–622. (In Russ.)

2 Kornienko, N. "'Razmyshleniia chitatelia': Nikolai Nikitin — retsenzent rasskaza 'Takyr'." ["'Reader's Thoughts': Nikolai Nikitin as a Reviewer of the Short Story 'Takyr'."] *"Strana filosofov" Andreia Platonova: problemy tvorchestva* [*Andrei Platonov's "Country of Philosophers": Problems of Creative Work*], vol. 5. Moscow, IWL RAS Publ., 2003, pp. 727–740. (In Russ.)

3 Muradov, R.G. "Paradigma 'Turkmenovedeniia'." ["The Paradygm of 'Turkmenology'."] *Kul"turnye tsennosti: Mezhdunarodnyi ezhegodnik. 2000–2001* [*Cultural Heritage: International Annals. 2000–2001*]. St. Petersburg, Department of Philology of Saint Petersburg State University Publ., 2002, pp. 164–178. (In Russ.)

4 Rozhentseva, E. "Opyt dokumentirovaniia turkmenskikh poezdok A.P. Platonova" ["An Attempt to Annotate A.P. Platonov's Turkmen Trips"]. *Arkhiv Andreia Platonova* [*Andrei Platonov's Archive*], book 1. Moscow, IWL RAS Publ., 2009, pp. 396–405. (In Russ.)

5 Holt, Katharine. "Collective Authorship and Platonov's Socialists Realism." *Russian Literature*, vol. 73, no. 1/2, 2013, pp. 57–83. DOI: 10.1016/j.ruslit.2013.01.005 (In English)

6 Holt, Katharine. *The Rise of Insider Iconography: Visions of Soviet Turkmenia in Russian-Language Film and Literature. 1921–1935.* PhD Dissertation. Columbia University, 2013. 323 p. (In English)